

Лиллиан — плохой человек, но Кирстен Кинг —
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ писательница.

*Сара Харман, автор романа
«Все матери меня ненавидят»*

КИРСТЕН КИНГ

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

18+

Азбука-бестселлер

Кирстен Кинг

Хороший человек

«Азбука»

2026

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг К.

Хороший человек / К. Кинг — «Азбука», 2026 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-34393-1

Жизнь Лиллиан – полный отстой. Ей почти тридцать, а похвастаться она может разве что гордым званием офисного планктона, проблемами с алкоголем и отсутствием нормального парня. Но над последним Лиллиан хотя бы работает. Она уверена: чтобы заполучить мужчину мечты, нужно просто стать лучшей версией себя. Ради Генри она готова на все – готова быть идеальной. Еще немного, и этот эгоистичный болван официально предложит Лиллиан стать его девушкой. Но когда Генри внезапно дает ей от ворот поворот, разбитое сердце требует проверенного годами лекарства – выпивки. И толики черной магии... Вместе с единственной подругой Лиллиан проводит ритуал и проклинает бывшего. В шутку, само собой. Вот только наутро Генри находят мертвым, а Лиллиан внезапно становится главной подозреваемой в его убийстве. Впервые на русском – блестящий коктейль из психологического триллера и едкой социальной сатиры. «Через историю Лиллиан – самовлюбленной фантазерки, которая просто хочет быть любимой, – Кинг беспощадно высмеивает все: от современного дейтинга до культа тру-крайма» (Glamour). Экранизация романа готовится одной из крупнейших британских киностудий Working Title Films («Реальная любовь», «Дневник Бриджит Джонс», «Искупление»). Продюсером картины выступит Дейзи Эдгар-Джонс, звезда сериала «Нормальные люди».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34393-1

© Кинг К., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кирстен Кинг

Хороший человек

Девочкам, которые собрали из крошек пирог

*Кто не спрашивал себя хоть раз: я чудовище или это и есть то,
что значит быть человеком?*

Клариси Лиспектор

Kirsten King
A GOOD PERSON

Copyright © 2026 by Kirsten King

© В. Л. Капустина, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Пролог

В десять лет я чуть не столкнула девочку в вольер с гориллами в зоопарке Франклина в Бостоне, штат Массачусетс. Ее звали Мелани Фрэнк. Она была вечно окружена недалекими приспешницами и всегда верховодила в играх на перемене. Мелани не была ни особенно хорошенькой, ни стильно одетой, а место на вершине школьной иерархии занимала лишь потому, что умела заставить детей вроде меня чувствовать себя жвачкой, прилипшей к подметке.

В автобусе, который вез наш класс на экскурсию в зоопарк, Мелани сидела рядом со своей подругой Маккензи: эта парочка называла себя «Эм-энд-Эм». Они шептались и время от времени прыскали от смеха. Я сидела одна позади них. Вдруг Мелани покрутила носом и стала принюхиваться, как ищейка.

– Чем это воняет? – громко спросила она Маккензи.

Я тоже принюхалась и ничего, кроме запаха пластика от сиденья передо мной, не учуяла.

– Да вроде ничем, а что? – отозвалась Маккензи.

– Кажется, Лиллиан пукнула, – хихикнула Мелани, оглянувшись на меня.

По автобусу прокатилась волна смеха, и все посмотрели в мою сторону. Навонять считалось смертным грехом в начальной школе – наличие ануса у девочек вообще не приветствовалось. Я заерзала, раздумывая, стоит ли защищаться от ложных заявлений Эм-энд-Эм или лучше промолчать. Решила промолчать и просто сидела вся красная, уставившись в окно. Через мгновение я ощутила резкий запах – как будто кто-то достал тухлое яйцо. Я поняла, что Мелани прикрыла мною собственные грязные делишки.

Всю экскурсию я держалась на несколько шагов позади Мелани и прожигала воображаемую дыру в ее светло-русом затылке. Когда мы подошли к вольеру с гориллами, Мелани перегнулась через ограждение, загородив нам всем обзор. Конечно, она ведь полагала, что больше заслуживает внимания, чем горилла из Конго. Я тянула шею, чтобы лучше разглядеть обезьяну, а видела только розовые капри Мелани и краешек ее трусиков с «Хеллоу Китти». Ее маленькая попа покачивалась перед моим лицом. Я бросила взгляд на табличку – на ней было четко написано: «НЕ ОБЛОКАЧИВАТЬСЯ НА ПЕРИЛА».

Значит, она считает, что правила зоопарка ей не писаны?

Нет, я не подумала о последствиях, прежде чем толкнуть ее. Это был порыв, с которым я не могла справиться – так Человек-паук выпускает паутину, – с той лишь разницей, что я не пыталась спасти Мэри Джейн, а жаждала увидеть ее падение. В общем-то, это была шутка, хотя, когда Мелани потеряла равновесие и чуть не рухнула в вольер к огромной обезьяне, я поняла, что другие могут воспринять это иначе.

Наша учительница мисс Майерс в последний момент поймала Мелани за руку и вернула ее обмякшее, словно тряпичная кукла, тело в безопасное место. Мисс Майерс уже говорила нам, что занимается кроссфитом, и теперь я убедилась, что она не врала. При виде сильных рук учительницы, опускающих на землю перепуганную Мелани, низ живота у меня свело спазмом. Как только ноги Мелани коснулись асфальта, одноклассники уставились на меня так, будто только сейчас по-настоящему меня разглядели и результат им не понравился. Позже я узнала, что на днях в лондонском зоопарке львы растерзали ребенка. Наверное, это была большая тема – вроде 11 сентября, только про зоопарк.

Мать забрала меня прямо с экскурсии. Она была вся на нервах и беспрестанно извинялась, то собирая волосы в хвост, то снова распуская их, – это у нее такой тик, я регулярно его наблюдала, когда мы с ней приходили в банк. Мать рассыпалась в извинениях перед мисс Майерс, а потом и перед мамочкой Мелани, которая, прибыв на место событий, сжимала дочь в объятиях, будто та только что вернулась с войны. Мелани наслаждалась каждой секундой

этого представления. После тридцатого маминого извинения мисс Майерс сказала, что будет лучше, если она заберет меня домой.

Мы с матерью сели в ее машину. Мои одноклассники стояли на парковке в ожидании автобуса. Видимо, экскурсия закончилась для всех.

– Лил, зачем ты это сделала? – спросила мама, глядя на меня в зеркало заднего вида. – Ты же могла ее убить.

– Я не хотела, – угрюмо ответила я. – И вообще, она ужасный человек.

Это была правда. Мелани, пожалуй, была худшим человеком в школе, но я вовсе не хотела, чтобы с ней случилось что-то страшное. Я всего лишь хотела преподать ей урок: чтобы та не перегибалась через ограждение и не наговаривала на людей, будто они пердят. Но если бы я лишила ее жизни, пусть и случайно, то еще больше отдалилась бы от одноклассников. Меня и без того считали странной из-за присущего мне чувства юмора и траченной молью одежды. Я и так была изгоем. Не хватало только убить самую популярную девочку в классе.

– Так делать нельзя, – пожурила меня мама и принялась чесать шею, как будто ее мучила крапивница.

– Знаю. – Я сглотнула. – Мне что-то нехорошо.

Мама потянулась к заднему сиденью и положила руку мне на лоб:

– Гм. Ты горячая.

В детстве я обожала болеть или притворяться больной; я делала это так часто, что эти два состояния стали для меня почти неотличимы. Мне нравилось кутаться в одеяло и смотреть телевизор до тех пор, пока глаза не начинало щипать, словно в них насыпали толченого стекла. Каждый раз, когда мы с мамой проезжали мимо билбордов Бостонской детской больницы, я завидовала тамошним пациентам: как же повезло этим детям, сколько внимания им уделяют! Иногда я думала, что славно было бы действительно заболеть и умереть молодой. Помнить меня будут вечно, и делать ничего для этого не надо. Но в тот раз мне просто хотелось прогулять школу на следующий день.

Я смотрела, как одноклассники забираются в желтый автобус, а Мелани и Маккензи, взявшись за руки, бегут к машине матери Мелани. По-видимому, пострадавшая вполне оправилась от события, которое так ее травмировало всего несколько минут назад. Мы с матерью ждали на парковке, когда все разъедутся, словно поехать вслед за Мелани по той же самой дороге значило пересечь еще одну красную линию. У меня внутри все сжалось от внезапной острой тоски. Больше всего на свете мне хотелось быть в этом автобусе, даже больше, чем чтобы Ник Джонас сжимал меня в объятиях, пока я не лопну. Неужели я разрушила свою жизнь одной дурацкой ошибкой? Передо мной возникло мое мрачное будущее. У меня никогда не будет лучшей подруги, с которой мы бы стали настолько неразлучны, что наши имена образовали бы общее прозвище. Мне никогда не быть лидером и даже в свите лидера не бывать. Никто никогда не станет держать для меня место в автобусе.

Я навсегда останусь за стеклом, снаружи, и смогу разве что заглядывать внутрь.

Глава первая

Я сразу заметила, что мое имя на торте было написано с ошибкой. Вместо «С днем рождения, Лиллиан!» там было «С днем рождения, Лилиан!». Мне это показалось дурным предзнаменованием – все пойдет насмарку из-за отсутствия этой буквы Л. Я смотрела на магазинный торт пастельных тонов, а коллеги фальшиво исполняли «С днем рождения тебя». Громче всех пела Джессика – и с таким энтузиазмом, как будто ее со скрипом взяли в хор и теперь она изо всех сил старалась выделиться и добиться признания. Джессика была самым свежим приобретением компании и то и дело приглашала всех выпить кофе и «поделиться опытом». Никто ведь не догадается, что за этим фальшивым «поделиться опытом» скрывается стремление выудить побольше информации. Она только что окончила колледж, и ее организм содержал больше коллагена и оптимизма, чем у меня когда-либо было в жизни. Я ее ненавидела.

У меня на работе почти не было друзей. Мне случалось обменяться с кем-нибудь гифками в корпоративном мессенджере, но вот найти общий язык с коллегами не получалось. Все они занимались пилатесом на реформерах, пили маття и каждые вторые выходные ходили на чьи-то свадьбы. Откуда у них столько знакомых брачного возраста, для меня оставалось загадкой. Кроме того, все они виртуозно изображали трепетную любовь к родной компании, небольшой маркетинговой фирме под названием «Физзл», которая позиционировала себя как очень прогрессивную. Как будто тот факт, что наш генеральный директор белая женщина, означал, что мы играем в капитализм иначе, чем остальные.

Рядом с Джессикой стояла моя начальница Кэндис, заместитель генерального директора. Кэндис была вся в красном, на ногах вишневые кроксы. Кажется, у нее имелись кроксы на каждый сезон, даже утепленные – для суровых бостонских зим. Другие девушки часто хвалили ее стиль, но лично мне она казалась похожей на эмоционально недоразвитого клоуна.

– С днем рождения тебя-а-а-а! – выводила Кэндис.

В общем и целом она была неплохой начальницей. Из чувства вины, свойственного миллениалам, она щедро предоставляла подчиненным выходные, а однажды разрешила коллеге остаться дома, потому что у той было «эмоциональное похмелье» после просмотра «Игры в кальмара». Сначала я думала, что ее яркие наряды и доброта со временем полиняют, но за три года моей работы в компании Кэндис не утратила своей жизнерадостности. Мне бы хотелось хорошо к ней относиться, но в ее присутствии я чувствовала себя темной тучей, готовой пролиться на нежный чайный гриб корпоративной культуры.

– Задуй свечи! – сказала Кэндис и сунула торт прямо мне под нос.

Я изо всех сил растянула губы в улыбке, а потом задула свечи. Настоящее желание на бракованном торте я решила не загадывать. Вряд ли стоило рисковать: вдруг из-за каких-нибудь космических накладок все, чего хотела я, Лиллиан с двумя Л, сбудется для Лилиан с одной Л.

На самом деле мне нравится, когда проявляют внимание, но сегодняшний день рождения был исключением. Против моей воли мне исполнилось двадцать девять. По идее, в этом возрасте мне уже пора было иметь такой комплекс ухода за кожей, чтобы не вскакивали прыщи. А также работу с шестизначной суммой заработка, где меня бы не перебивали на совещаниях. А еще достаточно нижнего белья, чтобы прожить месяц, не залезая в ящик с трусами времен колледжа. Да что там, мне пора было выбросить нижнее белье, оставшееся с колледжа. И найти преданного и любящего партнера.

По крайней мере, над последним пунктом я работала.

– Кто хочет кусочек? – бодро спросила Кэндис, начиная резать торт.

Посыпались стандартные фразы:

– Разве что совсем чуть-чуть.

– Очень маленький кусочек.

– Я, как назло, плотно пообедала.

– Первый кусок имениннице! – провозгласила Кэндис и протянула такой большой кусок, что это показалось мне издевательством.

– Спасибо, – безжизненно ответила я.

Коллеги еще раз поздравили меня с днем рождения и разошлись по своим рабочим местам с тонкими, как бумага, кусочками торта на тарелках. Интересно, не позовет ли меня кто-нибудь выпить после работы? Так сказать, отметить. Но предложений не последовало.

Ритуал празднования дня рождения был выполнен.

Я проверила, не написал ли мне Генри, парень, с которым я встречалась аж четыре месяца, но обнаружила только шесть сообщений от мамы:

С днем рождения!! Позвони мне.

Ты слышала о вспышке кишечной палочки?

Не покупай сельдерей.

От него уже умер один человек. ☺

Тебе пришло письмо.

Макулатура какая-то.

Общаться с моей матерью все равно что открыть входную дверь во время снежной бури: всякий уют будет мгновенно разрушен порывом ледяного ветра. Мама всегда вела себя очень театрально. Свою жизнь она воспринимала как телесериал: взвизгивала, если ее подрезали на дороге или если обнаруживала, что забыла свой термос с кофе дома. Каждый раз, отвечая на телефонный звонок подруги, она делала такой глубокий и резкий вдох, что я готовилась услышать о смерти бабушки, или самой этой подруги, или Дэвида Швиммера (мама очень любила Дэвида Швиммера). Обычно такая реакция означала всего лишь, что кто-то неудачно подстригся или выиграл четыре доллара в лотерею. Сегодня у меня не было сил на общение в таком стиле.

Вернувшись к своему столу, я в режиме инкогнито открыла профиль Генри в «Линкедине». На фотографии каштановые волосы были зачесаны назад и смазаны гелем. А такие очки в роговой оправе обычно покупают в аптеке в надежде обновить имидж. Генри работал риск-аналитиком в банке «Стейт-стрит». Он как минимум двенадцать раз объяснял мне суть своей деятельности, но я так и не смогла до конца понять, чем, собственно, он занимается. Когда Генри говорил о работе, я поднимала брови и старалась в нужные моменты выдавать адекватную реакцию, но на самом деле не имела ни малейшего понятия, что он делает у себя в офисе. «Линкедин» был единственной социальной сетью, которой пользовался Генри, и нашим единственным виртуальным каналом связи. Я как-то нашла его приватный аккаунт в «Инстаграме», но он сказал, что давно деактивировал этот профиль. Генри утверждал, что такие платформы, как «Инстаграм» и «Фейсбук»¹, создают опасный политический раскол между людьми, которые в основном являются единомышленниками. И потому он, как честный человек, не может общаться в социальных сетях. Теоретически я была с ним согласна, но менять свои привычки не собиралась. И потом, мне так нравилось наблюдать, как мои бывшие одноклассники с годами становятся все уродливее.

Мы с Генри познакомились в пабе неподалеку от Фенуэй-парка: я там была с коллегами. На корпоративах полагалось выпивать не больше двух коктейлей и стараться убедить коллег, что ты нормальная. Но поскольку мои коллеги совершенно невыносимы, то, когда я заметила Генри, на моем счету уже было три коктейля. Он сидел за барной стойкой со своим ноутбуком и потягивал виски с содовой. Красив, но не настолько, чтобы казаться недостижимым. Немного

¹ Социальные сети *Instagram* («Инстаграм») и *Facebook* («Фейсбук»). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram – запрещена на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

похож на Билла Хейдера, с которым я всегда мечтала переспать. Я подошла к нему, заказав четвертый бокал.

– Кто же приходит в бар с ноутбуком? – поддразнила я, поставив локоть на стойку.

Мой локоть тут же с нее соскользнул, но я сделала вид, что так и было задумано.

Генри сначала опешил, но, поняв, что я шучу, улыбнулся:

– Надо было кое-что доделать, – объяснил он.

Бармен поставил передо мной бокал.

– Не хотите угостить меня? – Я кивнула на бокал.

Генри удивился, но быстро овладел собой:

– Э-э... Да, разумеется.

Я сгребла свой бокал и чокнулась со стаканом Генри с такой силой, что тот чуть не опрокинулся. Генри успел его придержать, а то бы виски с содовой пролилось на его электронику.

– Будем здоровы! – сказала я.

Я вернулась к коллегам; они как раз обсуждали модный сериал, и все сошлись на том, что тот действительно «нечто». Я взглянула на Генри – он все еще склонился над «Макбуком Про». Вечер шел своим чередом, коллеги один за другим расходились, а Генри оставался. Когда все ушли, я на негнущихся ногах приковыляла к нему и плюхнулась рядом. Мобильный Генри лежал на стойке. Я взяла его, и Генри, как робот, выполняющий свою программу, взмахнул рукой, чтобы помешать мне.

– Успокойтесь, – ухмыльнулась я. – Просто забиваю свой номер. – Генри открыл было рот, но возражать не стал. – Если, конечно, вы не против. – Я приподняла бровь, словно бросая ему вызов.

Он не ответил, и я записала свой номер.

– Вы всегда такая дерзкая? – спросил Генри.

– Нет, – солгала я.

Мужчинам очень льстит, если ты нарушаешь свои строгие правила, чтобы добиться их. Типа ты шлюха с ним, но девственница со всеми остальными. Поэтому, ложась в постель на первом свидании, я всегда говорила: «Обычно на первом свидании я себе такого не позволяю». Это для мужчины все равно что ехать на новенькой, с пробегом в несколько миль, машине. Это ретроградное мышление, я понимаю, но такова реальность, и я приняла ее.

– Вот. Звоните. – Я улыбнулась, возвращая ему телефон.

– О-о, хорошо. Спасибо, – ответил Генри.

Я вышла из бара, стараясь не шататься и представляя себя героиней Джулии Робертс из фильма девяностых: сексуальной, непосредственной, с блестящими, не поврежденными окрашиванием волосами, развевающимися на ветру за спиной. Я представила, как Генри провожает меня взглядом и качает головой, не веря своей удаче. На следующий день я поняла, что забыла заплатить по счету в баре. Тогда я взяла и заблокировала кредитную карту. Через несколько дней Генри написал:

Ты дерзкая. Это пугает, но и интригует.

С той судьбоносной встречи мы постоянно общались, хотя эмоциональный контакт налаживался медленнее, чем мне бы хотелось. Секс у нас был еженедельный, но Генри так много работал, что на ужины или на что-то большее у него времени не оставалось. По выходным он тоже обычно был занят в офисе или волонтерской деятельностью. Но после четырех месяцев отношений я чувствовала себя с Генри комфортно. Мне нравилось проводить с ним вечера, курить травку, смотреть плохие сериалы на «Нетфликсе» и делать вид, что слушаю, когда он рассказывал мне про свой день. Приятно было расслабиться.

Мои размышления прервал скрип кроксов. К столу подошла Кэндис. Я быстро переключилась со страницы Генри на корпоративную почту и, прищурившись, уставилась на экран, будто я вся в работе.

– Слушай, подруга, – сказала Кэндис, нависая над моим столом. – Какие планы на вечер дня рождения? Знаешь, у нас сегодня йога со щенками... Если, конечно, ты свободна.

Кэндис часто устраивала всякие призванные сплотить коллектив мероприятия, которые на самом деле были завуалированными поводами для фотосессии. В первом ряду она аккуратно размещала нескольких цветных. На фотографиях, которыми она делилась в «Инстаграме», мы выглядели как реклама университетского кампуса, где нет толстых. Будучи белой и не слишком сексуальной в общепринятом смысле слова, я обычно оказывалась в последнем ряду, поэтому избегала подобных сборищ, особенно тех, где хотя бы не наливали бесплатно. И я уж точно не собиралась идти на такое в день рождения.

– У меня планы с друзьями, – солгала я.

– О, разумеется! – сказала Кэндис. – Нам будет не доставать тебя!

– И мне вас, – ответила я, изобразив на лице улыбку; хоть бы она выглядела искренней.

– Вообще-то, я хотела обсудить с тобой еще кое-что, если есть минутка.

Кэндис присела на корточки, так что ее глаза оказались на уровне поверхности стола. У меня что, проблемы? Я так часто смотрела порно на своем рабочем ноутбуке, что на прошлой неделе подхватила вирус, который пришлось устранять IT-специалистам. Я очень надеялась, что они не смогли определить источник заражения. Неужели Кэндис собралась отчитать меня за это? И именно в мой день рождения? Пусть только попробует. Тогда я заявлю, что она занимается секшеймингом; обвинения с использованием модных словечек обычно действуют на таких, как Кэндис.

– Ты знаешь, что на следующей неделе приезжает Ведьма Велнесс?

Я выдохнула: она просто хочет поговорить о работе. Ведьма Велнесс – это клиентка, которую наша компания пыталась заполучить уже несколько месяцев. Эта антипрививочница убеждала людей, что они могут улучшить свою жизнь с помощью любительского колдовства. Она обучала заклинаниям, варила зелья и болтала в «ТикТоке» о материализации мыслей. Она даже какое-то время торговала пищевыми добавками, соками и плацентой, пока не вмешалось Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств. У Ведьмы Велнесс были миллионы подписчиков. Рекламные агентства Бостона дрались за право представлять ее интересы при заключении спонсорских сделок. Лично меня от нее тошнило, но знак доллара был у нее на лбу написан, так что мое мнение не имело никакого значения.

Я натянуто улыбнулась:

– Да. Вот бы нам заполучить ее!

– Я тут подумала... Ты могла бы подготовить презентацию и провести встречу вместе со мной. Ты уже давно у нас, и я бы очень хотела поспособствовать твоему карьерному росту.

Кэндис прямо сияла.

– Провести встречу вместе? – переспросила я.

– Нет, ну говорить в основном буду я – этим я не стану тебя грузить. Но, может быть, ты могла бы все организовать?

Итак, она предоставляет мне «шанс проявить себя» – классическая уловка начальника, когда нужно взвалить на подчиненного дополнительную работу, а повысить ему зарплату нет ни возможности, ни желания. В случае успеха мне не светили ни комиссионные, ни признание заслуг, но, если бы я не справилась или не проявила бы должного энтузиазма, это непременно использовали бы против меня.

– Здорово, – сказала я, внутри кипя от гнева.

Кэндис захлопала в ладоши:

– Я знала, что ты согласишься, именинница! Я пришлю тебе сегодня все материалы в кратком изложении, и можно начинать готовить презентацию.

– Круто. – Я поджала губы.

Кэндис отошла к столу Джессики:

– Привет, подружка! Надеюсь, увидимся сегодня на йоге со щенками?

Джессика развернулась на стуле:

– Еще бы! Я просто помешана на собаках.

Мой телефон завибрировал, не дав моим злобным мыслям о Кэндис полностью сформироваться. Это был Генри.

Какие у тебя планы на вечер?

Я не сказала Генри, что у меня день рождения. Ни к чему ему знать, что у меня нет планов на день, который по идее я должна бы проводить в компании друзей, вся в подарках и приятных сюрпризах. К тому же кое-какие варианты у меня имелись: мама предлагала приехать домой на ужин, а Джейми, подруга по универу, приглашала меня выпить. В надежде, что Генри захочет со мной увидеться, я пока не соглашалась ни на одно, ни на другое предложение.

Я улыбнулась. К черту этот жалкий недоеденный торт! Мне не нужно было загадывать желание, чтобы получить то, что я хотела.

Мое желание и так исполнится.

Глава вторая

Генри должен был прийти через десять минут, хотя он, случалось, опаздывал, но самое большее минут на сорок пять. Я сидела на кухне и пила вино из большого бокала, прощаясь с унылым двадцать восьмым годом жизни: со скучной работой, заурядными друзьями и дурацкой прямой челкой, которую зачем-то отращивала большую часть года.

В восемь тридцать Генри наконец позвонил в мою дверь. Он пришел прямо с работы: в белой рубашке и брюках цвета хаки, которые неприлично обтягивали его в паху. Как ни странно, это лишь усилило мое желание переспать с ним.

– Как на работе? – спросил он, отхлебнув из своего бокала.

– Отлично, – сказала я и повела его к дивану. – Мне поручили большой проект.

Генри расстегнул манжеты рубашки, закатал рукава и удобно устроился на диване.

– Поздравляю. Иди ко мне. – Он поставил бокал и поцеловал меня.

Генри не из болтливых и не из тех, кто тратит много времени на прелюдию к сексу. Он предпочитал сразу переходить к делу – черта, которая, видимо, помогала ему успешно справляться с напряженной работой в финансовой сфере. Я не имела ничего против. Мне не требовалось настраиваться на секс: я ни на минуту не переставала думать о Генри.

Через пятнадцать минут после его прихода мы были уже в постели.

Я не могу похвастаться большими сиськами, но Генри использовал то, что есть, на полную катушку. Обычно это означало, что он будет долго сосать мою грудь. Иногда я начинала бояться, что оттуда действительно польется молоко... или кровь. Его голова качалась над мной, а я лежала на спине и притворялась, что наслаждаюсь. Секс с мужчинами всегда был для меня прежде всего перформансом. Сняв трусики, я становилась другим человеком: из двадцатидевятилетней невротички со средненькой работой я превращалась в крутую, готовую на все девчонку – из тех, что прыгают с парашютом, окунаются в ледяную прорубь, в фотобудке задирают майку с криком «Свободу соскам!», друг называют «бандой», а на фестивалях запросто садятся на плечи мускулистым красавцам. Я была самой сексуальной на свете. Мне нравилось, когда меня шлепали и душили, а однажды я довела парня до оргазма одним лишь локтем. Такую власть не купишь.

Генри нравилась моя раскрепощенность. Он прослушал в колледже один-единственный курс по гендерным исследованиям и часто упоминал об этом в разговорах со мной, утверждая, что именно этот курс сформировал его как личность. Не то чтобы на практике феминизм Генри был очень заметен. Но, видимо, он полагал, что освободиться от оков общества и раскрепоститься для женщины означает позволить мужчине кончить тебе в глаз.

Мой план состоял в том, чтобы заставить Генри полюбить меня, но двигаться к этому следовало постепенно и осторожно. За свои двадцать с небольшим я успела понять: мужчины – существа пугливые и капризные. Добиться, чтобы они что-то запланировали на неделю вперед или познакомили тебя со своими друзьями, – все равно что кинуть камень в зайца: он исчезнет раньше, чем камень пролетит половину пути. Последние четыре месяца я потратила на то, чтобы создать определенный образ себя – женщины, которую не раздражает, что с ней никогда не встречаются раньше восьми, и которая обожает слушать, как Генри пересказывает все части «Дюны». Я понемногу готовила Генри к полноценным отношениям, неделю за неделей изматывая его хорошим сексом и тщательно подобранными общими интересами. Раньше я встречалась с мужчинами не дольше двух месяцев; все заканчивалось, как только я давала понять, что я тоже человек, у которого есть чувства, а не телка, с которой они познакомились на фестивале «Коачелла». Но с Генри я не собиралась наступать на те же грабли. Еще одни отношения насмарку – ну уж нет!

До сих пор моя тактика давала достойные результаты. Постепенно Генри стал упоминать друзей и родственников, с которыми хотел бы меня познакомить, и места, куда мы могли бы когда-нибудь съездить. Наше гипотетическое будущее вырисовывалось на глазах.

Я лежала на спине, Генри грыз мои соски, и они уже болели. Тогда я перевернула его и легла сверху. Переворачивать Генри было несложно. Мы весили почти одинаково; я обычно выбирала субтильных мужчин болезненного вида – словно они только что вернулись из Англии шестнадцатого века. Я оседлала Генри, и мне открылась его бледная грудь со скромной дорожкой темно-каштановых волос. Я подергала его за волосы. Когда мы занимались сексом, мне можно было делать все, что угодно. Генри скорее считал бы меня эксцентричной, чем сумасшедшей. Мне нравилось, что он истолковывал все странности в мою пользу.

– Ты такая сексуальная, Лиллиан! – сказал он.

– Знаю, – ответила я.

Так-то я не считала себя уж очень сексуальной. У меня большой нос и резкие черты лица, поэтому лицо в состоянии покоя выглядит злобным, а волосы я сама дома крашу в темно-рыжий цвет, – в общем, дешевая подделка под Чаппелл Рон. Мне досталась мальчишеская грудь, но зеленые глаза и вполне приличная задница спасали впечатление. Иногда я мечтала о большом наследстве: тогда можно было бы исправить недостатки с помощью пластической хирургии, накладных ресниц и постоянных инъекций ботокса в нужные места. Но у меня не было таких средств, поэтому приходилось брать изобретательностью в брачном танце. Людей привлекала моя наигранная уверенность в себе. Я шла по жизни с таким видом, что все понимали: эта умеет трахаться. Так оно и было. Именно в сексе я старалась преуспеть большую часть своих лет. Я, может, и не была первой, к кому подходили в баре, но, почуяв, что я за фрукт, домой уводили именно меня.

Генри сгреб одну из моих недосисек, и от этого... слегка обмяк, но я сделала вид, что не заметила. Я просто положила его руку на свою задницу, и бывшая твердость вернулась. Я ввела его член внутрь, тем самым начав ритуал, который мы всегда выполняли во время секса.

– Может, нам... – начал он.

– Надеть презерватив? – подхватила я.

– Да. Боже, как же ты классно...

– Знаю, – сказала я.

– Я сейчас ко...

Рот у Генри округлился, а глаза расширились, как у кота, увидевшего за окном птицу, и он кончил в меня. Он блаженно выдохнул. Я застонала в ответ, как будто его оргазм меня возбудил. Обычно Генри кончал где-то через тридцать секунд, максимум – через две минуты. Но мне было все равно, сколько он продержится. Даже лестно, когда мужчина не может больше терпеть.

– Тебе понравилось? – спросил он.

– Это было потрясающе, – заверила я.

Я знала, что он не предложит мне кончить, – не такие у нас были отношения. Я не возражала. Оргазм во время гетеросексуального секса – нечто доступное только в длительных отношениях, при такой любви и таком доверии, что ты можешь дать мужчине понять: он и рядом не лежал с твоим клитором. Мы с Генри пока еще только шли к этому. А уж когда он будет мой, я его обучу.

Я скатилась с Генри и потащила в свой смежный санузел, подставив руку себе между ног, чтобы сперма не вылилась на пол. Я закрыла за собой дверь, села на унитаз и помочилась, тихонько пукнув. Почему бы гравитации не защитить меня от нежелательной беременности? Конечно, это было безответственно с моей стороны. Когда я спрашивала своих партнеров, нет ли у них заболеваний, передающихся половым путем, они все, как один, отвечали «нет», и я им безоговорочно верила. Я почти не пользовалась презервативами и считала, что прерванный

половой акт – надежный способ контрацепции. К счастью, ничего серьезнее хламидиоза со мной не случилось. Я придерживалась двух правил: позволяла мужчинам кончать в меня только после второго свидания и принимала «таблетку следующего дня», если они кончали, когда я была снизу. Я подозревала, что эти меры предосторожности не имеют значения, потому что я все равно бесплодна. Я не могла подтвердить эту теорию соответствующим диагнозом, но мои месячные казались бутафорскими, даже кровь на прокладках выглядела ненастоящей – прямо как киношный реквизит. Я не хотела детей, так что мысль о бесплодии не приводила меня в отчаяние – в отличие от всех остальных. В колледже я как-то по пьяни сказала соседке по комнате Франческа, что, похоже, бесплодна.

– Не говори так, – строго предупредила Франческа. – Рано или поздно ты захочешь детей.

– Не думаю. – Я взяла еще кусочек пиццы, обмакнула его в чесночный соус и забросила в рот, как будто участвовала в соревновании едоков.

Мы с Франческой не были близкими подругами. Мы тусовались по отдельности и сближались только тогда, когда обе оказывались пьяными в нашей комнате в общежитии. У меня сложилось впечатление, что она была религиозна на свой чудаковатый лад, а еще у нее на столе стояло столько фотографий брата, что я предположила, будто между ними что-то есть. Мне было наплевать на ее мнение о том, смогу ли я быть матерью и нужно ли мне ею быть. Не всем же рожать детей. Я бы завела ребенка только в том случае, если бы сказочно разбогатела и смогла бы позволить себе нанять круглосуточную няню. В этом идеальном мире я бы видела своих гипотетических отпрысков час в неделю, и все это время они бы благодарили меня за то, что я их содержу. Почему я должна притворяться, что неспособность иметь детей – это беда? Если бы я все же забеременела, мысль об аборте пришла бы мне в голову скорее, чем Кен Дженнингс успел бы нажать на кнопку в телевикторине.

– Да ладно, – сказала я своей соседке по комнате, – если у меня не будет детей, это не конец света.

– Выпускать в мир такую энергию опасно, – с важностью произнесла Франческа.

Я спустила воду в туалете. А вдруг это моя убежденность, что я бесплодна, сделала меня бесплодной? Мне случалось читать о магическом мышлении, что, мол, с его помощью можно притянуть хорошие события. А вдруг у меня есть способность силой мысли вызывать к жизни что-то темное?

Когда я вернулась в спальню, Генри сидел, уткнувшись в телефон.

– Я в душ, – сказала я.

Генри хмыкнул в ответ, увлеченный тем, что видел на экране. Я старалась не ревновать к незнакомке, которая написала то, что он сейчас читал. Забравшись в душ, я быстро помастурбировала, прокручивая в голове сцену из фильма «Свадьба лучшего друга», где Дермот Малруни слизывает кольцо с пальца Джулии Робертс. Мне потребовалось секунд двадцать, чтобы кончить, представив себе, как они долго смотрят друг на друга. Потом я вытерлась и пошла на кухню за вином. Вернувшись в спальню с бутылкой, я обнаружила Генри на краю кровати, полностью одетого. Он оставался у меня на ночь только один раз, после того как мы в четверг вечером выпили по бутылке текилы. У меня хватило чувства собственного достоинства не пытаться раскрутить его на еще одну ночевку без бутылки. Но я пока была не готова к его уходу.

– Ты уходишь? – Я старалась, чтобы мой голос звучал приветливо.

– У меня еще куча работы, – ответил Генри.

– У тебя ноутбук с собой? Можешь работать здесь, если хочешь.

Я понимала, насколько жалко прозвучало это предложение.

– Боюсь, ты будешь меня отвлекать. – Генри подмигнул, натягивая носки.

Я безжизненно улыбнулась, прислонившись к дверному косяку. Руки отяжелели. Все-таки четыре бокала вина натошак... Кажется, я немного пьяна. Из-за алкоголя и половых гормонов, захлестнувших мой мозг, вид одевающегося Генри вдруг показался мне катастрофой.

– У меня сегодня день рождения, – выпалила я.

Генри замер.

– Что? – потрясенно спросил он. – Серьезно?

Я совершила ошибку. Он теперь наверняка решит, что я жалкое создание – жду, что парень напишет мне в день рождения, сижу дома в одиночестве и мечтаю о том, чтобы со мной случилось что-то хорошее, ведь ничего хорошего со мной никогда не случилось.

– Я уже отметила с друзьями за ужином, – поспешила я исправить положение. – Вообще-то, я против дней рождения. Ненавижу всю эту хрень с поздравлениями, подарками... Это же тупо выкачка денег.

– Почему ты мне не сказала? Я бы... Ну, я бы понял, что у тебя планы. Но я бы послал тебе открытку или что-то в этом роде. – Генри нервно почесался.

– Я не хотела, чтобы ты это делал! – сказала я, и это прозвучало вполне убедительно. – Люди не должны тратить деньги на такие вещи.

Это даже не было совсем уж неправдой. Я привыкла получать дерьмовые подарки на день рождения. В детстве мы с мамой жили в съемном одноэтажном доме в Арлингтоне, штат Массачусетс. У нас было все необходимое, но ничего лишнего. Мы едва могли себе позволить отопление, что уж говорить о модных уггах или что там еще я могла бы захотеть на день рождения. Обычно мама делала мне что-нибудь своими руками – например, вязала шарф цвета рвоты. Или дарила купоны на дополнительные часы у телевизора. День рождения был обычным днем – свидетельством того, что время идет, и больше ничем.

– Да нет, честно, все в порядке, – заверила я. – Я уже отпраздновала.

Генри выдохнул и задумчиво посмотрел на наполовину надетый носок. Потом натянул его.

Неужели я испортила вечер?

– Ладно, подожди, – сказал Генри. – Я сейчас вернусь.

Генри встал и вышел из спальни, закрыв за собой дверь. Я на мгновение испугалась, что он сбежит, но потом услышала, как он что-то ищет у меня в гостиной. Хорошо, что моей соседки по квартире Элизы не было дома. Что бы она сказала, увидев, как мой парень хозяйничает в нашей с ней общей комнате? Она осуждала меня за мимолетные романы – вероятно, завидовала, будучи сама обречена на воздержание. Спустя минуту Генри вернулся в комнату, держа что-то за спиной.

– Закрой глаза, – сказал он.

– Зачем? – спросила я.

– Просто закрой, – сказал Генри. – Доверься мне.

Я закрыла глаза, мое сердце забилося от радостного предчувствия.

– А теперь открой, – велел Генри.

Передо мной стоял Генри с зажженной свечой «Янки» в руке. В комнате запахло имбирным печеньем. Я улыбнулась.

– С днем рождения, Лиллиан!

Мое сердце наполнилось нежностью.

– А теперь загадай желание! – Он придвинул свечу ближе.

Я подалась вперед и закрыла глаза. Подумала о том, сколько еще дней рождения мы отпразднуем вместе. О том, как Генри будет устраивать мне вечеринки-сюрпризы, брать меня с собой в поездки, присылать цветы мне на работу, вызывая восхищение у моих коллег. Я представила себе, как Генри, увидев пожилую пару на улице, говорит мне:

– Когда-нибудь мы будем как они.

Это вам не торт на работе! На этот раз я решила загадать желание.

Я хочу, чтобы Генри Дэвис полюбил меня, и добьюсь своего, чего бы мне это ни стоило.

Глава третья

Я сидела на работе, бездумно перетаскивала фотографии Ведьмы Велнесс в «Пауэр поинте» и ждала, не завибрирует ли телефон. Прошло шесть дней с моего дня рождения, а Генри так и не вышел на связь. Я ему тоже не писала и поражалась собственному самообладанию. Наверное, это чувство сродни тому, что испытываешь при получении своего первого жетона общества «Анонимных Алкоголиков», хотя, честно говоря, единственное мое достижение заключалось в том, что я не выглядела неудачницей.

Я вспомнила наше первое свидание. Генри предложил пойти в спикизи² в финансовом квартале, недалеко от его офиса. Он сказал, что задержится на работе допоздна, и назначил встречу на половину десятого. Тут я насторожилась: я пока не была уверена, что Генри не опасен, а встречаться с мужчиной после восьми – слишком рискованно. К тому же была среда – как известно, один из худших дней недели. Поразмыслив, я все-таки решила пойти. В конце концов, лучше познакомиться с опасным мужчиной, чем сидеть дома и в одиночестве разогревать себе замороженный ужин.

Я потратила целый час на макияж – разрисовала лицо так, что стала совсем не похожа на себя. Бюстгальтер надела с пушопом, но небольшим, чтобы Генри не почувствовал себя обманутым, если мы после ужина переспим. Поездка на метро заняла около тридцати минут, и я успела принять крошечную – как те, что предлагают в самолете – порцию водки, чтобы расслабиться. Отпивая, я встретила взглядом с дерганным неопрятным мужчиной, который, казалось, тоже не прочь был глотнуть. Я допила и закинула в рот жевательную резинку, чтобы Генри не счел меня алкоголичкой. Оглядев других пассажиров, я заметила молодую пару с ребенком. Женщина была в кашемировом пальто, на пальце у нее красовалось кольцо с большим бриллиантом, а мужчина выглядел так, будто покупал одежду исключительно у Ральфа Лорена. Их малыш сидел в дорогой коляске, и его, вероятно, звали Теодор или Брукс. Я наклонилась, чтобы лучше рассмотреть лицо мальчика, и с облегчением поняла, что он очень некрасив. Меня невероятно успокаивает, когда я получаю возможность убедиться, что у богатеев тоже рождаются страшенькие дети. Все-таки есть кармическая справедливость – можно купить все, кроме красоты. Уродливый младенец улыбнулся мне, и я ответила ему неискренней улыбкой.

Мать посмотрела на меня и просияла:

– Вы ему понравились.

Я не стала говорить, что это чувство взаимно.

Генри встретил меня у бара, слегка приобнял, сказал, что рад снова видеть, и повел внутрь. В баре оказалось такое тусклое освещение, что пробираться к столу приходилось на ощупь, словно в доме с привидениями. Я оглядела других посетителей. В основном это были пожилые мужчины и, надо полагать, их любовницы. Генри вытер ладони о штаны. Он что, тоже нервничает?

– Это отличное место, – сказал он, глядя куда угодно, только не на меня.

Меню состояло из дорожных авторских коктейлей, и у каждого рядом с названием было нарисовано определенное количество черепов, от одного до пяти, показывающее, насколько тебе снесет крышу этот напиток. Я заказала коктейль на четыре черепа – хотелось как следует набраться, но при этом не выглядеть не знающей меры пьянчужкой.

В ожидании напитков мы поболтали о том, как я сюда добиралась и какая на улице погода. Генри поинтересовался, чем я занимаюсь, и, в свою очередь, немного рассказал о работе. Я не особенно слушала, просто наблюдала, как он крутит часы на запястье, и представ-

² *Спикизи* (от *англ.* speak easy – говори потише) – подпольный бар или клуб, где тайно торговали алкоголем во времена «сухого закона» в США с 1920 по 1933 год.

ляла, каково это – быть за ним замужем. Поглощенность Генри работой меня порадовала, в этом ощущалась какая-то надежность. Он был не похож на тех парней, с которыми я спала раньше. Приходишь к таким домой – на полу в спальне надувной матрас, а на столике в гостиной кальян соседа по квартире. С Генри явно можно было строить будущее.

– У тебя есть братья или сестры? – спросил он.

Может, лучше солгать? Я знала, что если ты единственный ребенок в семье, все сразу делают вывод, что ты либо эгоистка, либо не от мира сего. Я снова представила Генри своим мужем:

– Я единственный ребенок.

Пожалуй, не следует начинать со лжи. И потом, мне не хотелось нанимать фальшивую сестру на нашу будущую свадьбу. Генри поднял брови:

– Так ты, значит, избалованная.

Стоит ли рассказывать Генри, что я выросла в бедности? Тут ведь как повезет: иногда такие жалостливые признания вызывают у людей симпатию к тебе, а иногда у них возникает желание держаться от тебя подальше – вдруг бедность заразна. Мать забеременела мною в двадцать один год после случайного секса. Вопреки советам бабушки сделать аборт, она решила оставить меня. Мама подавала эту историю как героическую. Она говорила, что оставить меня было самым умным решением в ее жизни, потому что в день моего рождения у нее появилась лучшая подруга. Она почти ничего не говорила о моем отце, кроме того, что его звали Кевин и что в день моего зачатия он угостил ее ужином в закусочной «Дэйри квин». Несколько лет назад она призналась, что нашла его на «Фейсбуке» и узнала, что он погиб в аварии: разбился, сев за руль пьяным. Кажется, эта новость ее не сильно опечалила, из чего можно сделать вывод, что я отнюдь не дитя любви. Это многое объясняет. Я всегда чувствовала себя не такой, как большинство людей, вероятно, потому, что была создана практически как генно-модифицированный помидор. Но этой подробностью я решила с Генри не делиться и согласилась, что да, я избалованная.

Мы еще немного поговорили о том, где жили в Бостоне и где учились. Генри сказал, что учился в Брауне³

³ Браун – один из восьми университетов, входящих в Лигу плюща.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.